

Визитку Юй Сингэ обнаружил уже после того, как Чэн Цзие ушёл.

Скользнув взглядом по строчке из любовного стихотворения Китса, он перевернул плотную бумагу. С обратной стороны красовался вычурный, кричащий шрифт, а в самом низу притаилась цепочка неприметных цифр.

Должно быть, номер телефона.

Сингэ мысленно повторил про себя имя и, сопоставив Шэнь Чжи с персонажем из книги, небрежно швырнул визитку в мусорное ведро.

Этого персонажа он помнил. В типичных романах с интернет-платформ любой злодей, посмеявшийся копать под главного героя, в финале неизбежно умирал слезами и кончал плохо. Шэнь Чжи не был исключением.

Сингэ лишь никак не ожидал, что этот тип положит на него глаз. С чего бы вдруг?

В глубине души шевельнулось недоумение. Сам Сингэ и пальцем не пошевелил, да и книжный гитарист группы ONE всегда оставался фигурой блеклой, третьестепенной. Даже оригинальный Юй Сингэ ни за что не привлёк бы внимание такого человека, как Шэнь Чжи.

Впрочем, к чёрту.

Кудрявый парень, привыкший к чужому вниманию благодаря своей обаятельной, открытой улыбке, легко выбросил эти мысли из головы и потянулся к букету.

Солнечные лучи золотой пылью оседали на глянцевых лепестках. Сингэ лениво коснулся пальцем последнего бутона — беднягу срезали до того, как он успел распуститься.

И всё же в голове крутился один вопрос: зачем Чэн Цзие так поспешно избавился от чужой визитки? Что им двигало?

\*\*\*

Из хриплых динамиков старой, обшарпанной лавки на углу доносился хит какого-то поп-идола, прогремевший в прошлом месяце. Напевая под нос, Юй Сингэ шагал по переулку с пакетом дымящихся баоцзы в руках.

Протиснувшись мимо газетного киоска, он кивнул хозяину — сорокалетнему задроту, который и в зрелом возрасте не вылезал из приставки. Внутри киоска громоздились стопки пиратских кассет и гонконгских сплетников, наперебой источавших тонкий затхлый душок. После уроков здесь вечно толпились школьники, с восторгом обсуждая новые постеры. Утром же, торопясь

на занятия, они лишь провожали витрины тоскливыми взглядами из-за тяжёлых ранцев.

Сингэ двигался против этого пёстрого потока. Он жил в Цичэне чуть больше месяца, но от него по-прежнему веяло той лёгкостью и бьющей через край энергией, которая никак не вязалась с сонной атмосферой города. В этом плане он мало отличался от школьников.

Разве что ростом уродился куда выше.

Поднявшись к себе, Сингэ закинул половину баоцзы в холодильник, а с остальными не торопясь перемахнул через перегородку на соседский балкон. За последние пару недель у них с Чэн Цзие сложилась забавная, безмолвная традиция делить трапезу.

Но сегодня балконная дверь не поддавалась.

Сингэ удивлённо моргнул. В кармане джинсов звенели ключи, которые сосед сам ему вручил на прошлой неделе, но возиться с замком с занятыми руками не хотелось. Да и сквозь стекло было видно, что внутри никого нет.

«А ведь днём у нас репетиция», — вспомнил он.

Прикусив зубами тёплый баоцзы, Сингэ достал телефон и набрал короткое сообщение. Ответ звякнул, стоило ему перешагнуть порог собственной комнаты.

Пробежав глазами текст, Сингэ задумчиво посмотрел на пакет со своей нехитрой добычей.

Оказывается, Чэн Цзие уехал к родителям.

В отличие от типичных героев мужской веб-прозы, Чэн Цзие происходил из самой заурядной семьи, с которой к тому же почти не поддерживал связь. Мать умерла рано, а отец, старый консерватор, пришёл в ярость, когда сын после университета увлёкся рок-музыкой. Объявив это глупым ребячеством и блажью, старик пригрозил лишить его наследства и отрёкся от него.

И надо же, он всё-таки решил навестить отца?

Сингэ на секунду замер.

В прошлой жизни он толком не знал, что такое семья, да и в этой очнулся круглым сиротой. Понять сложные родственные узы ему было трудно.

Впрочем, какая разница.

Получив подтверждение, что Цзие вернётся ещё до начала репетиции, Сингэ убрал пакет в холодильник и включил проигрыватель. Комнату затопило хрипловатое, страстное соло на саксофоне со старой виниловой пластинки. Смахнув со стола мешавшие карты для бриджа, парень взял гитару и принялся за гаммы.

Даже если забыть, что теперь он играет в группе, музыка оставалась его главной страстью. Она была для него не просто приятным фоном для скоротания вечеров, а делом, которому он когда-то отдал всего себя. Его личной, неприкосновенной святыней.

К началу репетиции Чэн Цзие действительно успел. Когда он шёл по коридору студии, на глаза у него была нахлобучена козырная чёрная бейсболка, из-под которой топорщилось несколько непослушных, растрёпанных прядей.

Сингэ уже взялся за ручку двери репетиционной, когда почувствовал чужое присутствие. Повернув голову, он столкнулся взглядом с подошедшим вплотную соседом.

— Привет, — негромко позвал Сингэ с лёгкой хрипотцой в голосе после короткого дневного сна.

Было видно, что Чэн Цзие торопился: в его обычно размеренных движениях сквозила несвойственная ему суета, а металлические замки на кожаной куртке негромко позвякивали при каждом шаге.

Окинув взглядом Сингэ, он поправил козырёк кепки и негромко заметил:

— Можешь звать меня просто по имени.

Целый месяц слушать это уважительное «брат» Чэн Цзие было до сих пор непривычно. Тем более что ни к кому другому в группе Сингэ так не обращался.

Кудрявый парень на мгновение задумался. Цзие не мог знать, какие мысли пронеслись в этой светлой голове, но лицо гитариста приняло лукавое, загадочное выражение. Губы Сингэ дрогнули, словно он едва сдерживал смех.

А ведь Сингэ действительно едва не прыснул. В своей прошлой жизни он привык сокращать имена близких друзей, удваивая последний слог. Но представить, как он обращается к суровому Чэн Цзие «Е-Е», было выше его сил.

Сингэ помалкивал, а Чэн Цзие, решив не торопить события, вальяжно облокотился на дверной косяк и выжидающе приподнял бровь.

— А что, мне нельзя тебя так называть? — невинно поинтересовался Сингэ, состроив самое непонимающее выражение лица.

От собственной наглости его едва не перекосило — пришлось приложить титанические усилия, чтобы удержать маску и не рассмеяться в голос.

Чэн Цзие молча разглядывал его. Тёмные, под цвет смоляных волос глаза соседа впились в лицо Сингэ, безошибочно выловив пляшущие в глубине его зрачков смешинки.

«И никакой он не пай-мальчик», — мелькнуло в голове у Цзие.

Вслух он ничего не сказал.

Статный, широкоплечий и подтянутый, он возвышался над Сингэ, невольно подавляя своей молчаливой, тяжёлой аурой.

Пауза затянулась.

В конце концов Цзие первым сдался и отвёл взгляд:

— Ладно. Если тебе так удобнее — зови.

Сингэ шутливо выдохнул и заговорщически подмигнул ему.

Против его обаяния вообще сложно было устоять. Одетый в кожаную косуху Цзие порывисто поднял руку, намереваясь пригладить забавно торчащий кудрявый вихор на макушке Сингэ. Но на полпути спохватился, осознав неловкость жеста, и резко опустил ладонь в карман.

— Пошли внутрь, — буркнул он.

Они явились задолго до назначенного часа. Последним, минута в минуту, пришёл Чэнь Цин.

Для ребят из ONE репетиции давно превратились в отлаженный механизм. Чарльз воодушевленно твердил, что стоит им отыграть ещё пару-тройку концертов и подкопить денег, как они наконец-то смогут забронировать профессиональную студию и записать полноценный сингл. Хороший звук нынче стоил бешеных денег, а аренда приличного помещения влетала в копеечку.

Чарльз по своему обыкновению немного шепелявил, но его голос так и лучился искренней верой в успех.

Когда с репетицией было покончено, Чарльз вызвался всех угостить. Они оккупировали столик в уличном недорогом шашлычном заведении и разложили колоду для «УНО». Правила установили простые: проигравший отвечает на каверзный вопрос по принципу «правда или

действие», а в случае отказа — осушает штрафной бокал пива.

Партия тянулась неторопливо. Сингэ в карточных играх знал толк и долгое время умудрялся выходить сухим из воды.

К сожалению, сыграть успели всего два кона. Чэнь Цин извинился и сказал, что ему нужно срочно бежать по делам. Этот вечно бледный парень улыбался так мягко и обезоруживающе, что удерживать его никто не посмел. На прощание он задорно хлопнул по ладони их лидера-вокалиста.

В игре остались четверо.

В следующем раунде удача наконец улыбнулась Чарльзу — он сбросил карты первым. Следом, сохранив полную невозмутимость на лице, отыгрался бас-гитарист Ли Гу.

Чэн Цзие на секунду замялся. Посмотрев на кудрявого Сингэ, который беспечно крутил в пальцах карты, явно не подозревая о нависшей угрозе, Цзие решил придержать козырь и пропустить ход.

Ли Гу, чей бунтарский вид всегда привлекал внимание, хитро прищурился. Избавившись от последней карты, он победно откинулся на спинку стула.

На поле боя остались двое — Чэн Цзие и Юй Сингэ, которые до этого момента практически не сталкивались лбами. Парень наконец-то посерьёзшел и подобрался.

Увы, госпожа Удача, доселе оберегавшая Сингэ, подставила ему подножку. Стоило Цзие сбросить последнюю карту, как у Сингэ в руках сиротливо застряли три лишних листа.

— Ладно-ладно, ваша взяла, — рассмеялся Сингэ, признавая поражение. — Спрашивайте, я весь во внимании.

По уговору проигравший держал ответ перед каждым из триумфаторов.

Чарльз, сияя от злорадства, внезапно замялся. В голову ничего путного не шло, поэтому он заговорщически толкнул локтем Ли Гу.

Басист почесал затылок и неуверенно выдавил:

— Твой самый любимый инструмент?

Чарльз чуть пивом не подавился от такой банальщины. Он вытаращил глаза и принялся

активно жестикулировать, призывая друга одуматься.

Но Сингэ ответил без колебаний:

— Скрипка.

«Надо же, не гитара?» — мысленно удивился Чэн Цзие.

Он пристально посмотрел на парня. В сгущающихся сумерках уличной закусочной, пропитанных едким дымком от мангала, запахом дешёвого пива и гомоном пьяных компаний, их скромная четвёрка казалась чужеродным элементом. Сингэ, впрочем, тоже выделялся из этой серой массы.

— А на втором месте уже гитара, — добавил Сингэ с мягкой улыбкой. Дешёвые люминесцентные лампы закусочной заливали его бледную кожу ровным, почти призрачным светом. Он прижал ладонь к столу, накрывая сброшенные карты.

Ли Гу понимающе кивнул.

— Теперь я, теперь я! — запрыгал на лавке Чарльз. — Мой вопрос...

Видимо, собственная выдумка казалась ему верхом комедийного искусства: парень пытался сглотнуть смешок, но в итоге лишь глупо прыснул, отчего лицо его перекосило от забавной гримасы.

Под выжидающими взглядами друзей — Ли Гу даже замер с поднятым к губам бокалом — Чарльз попытался сделать глоток и тут же судорожно закашлялся, поперхнувшись пивом.

Цзие разочарованно покачал головой и отвернулся.

— Да подождите вы, кха-кха! — Чарльз застучал кулаком в грудь. Наконец, утерев слезы, он выпалил: — Какого размера у тебя прибор?

Сингэ на секунду опешил от вопроса, но, решив, что речь идёт о возрасте, спокойно ответил:

— Двадцать один.

— Да нет же! — замахал руками Чарльз, прерывая его. — Я не про возраст! Я про... ну, про длину!

Он красноречиво развёл ладони в воздухе, показывая приличный зазор.

Что за идиотская тема?

У Ли Гу дрогнула рука, и он чуть не пролил пиво.

Сингэ просто лишился дара речи.

Чэн Цзие, мгновенно раскусив пошлый намёк Чарльза, даже бровью не повёл, но чувствительно наступил шутнику на ногу под столом.

— Ай! — взвизгнул Чарльз, но тут же продолжил гнуть свою линию: — Ну а что? Девчонки от тебя без ума, так и вьются косяками. Да и чисто внешне... сдаётся мне, там всё очень даже солидно!

Парень так и сиял от гордости за свой каверзный вопрос. До этого он знатно продул Сингэ несколько раз подряд и теперь жаждал реванша, выкатив тему, которая должна была вогнать новичка в краску.

Но, вопреки его ожиданиям, Сингэ даже глазом не моргнул. С самым невозмутимым видом он отхлебнул из бокала и бросил:

— Не замерял.

Чэн Цзие мысленно поаплодировал его выдержке. Надо же так спокойно реагировать на подобную чушь.

Чарльз, неудовлетворённый ответом, картинно скрестил пальцы буквой «Х»:

— Так не пойдёт! В следующий раз, как соберёмся, с тебя точные цифры!

«Ага, разбежался», — подумал Сингэ, едва не поперхнувшись пивом от такой наглости. Тем не менее он лениво кивнул, лишь бы тот отвязался.

Наконец очередь дошла до Чэн Цзие.

Чарльз тут же зашептал ему на ухо кучу идей: вопросы про свидания, девчонок и первую любовь посыпались как из рога изобилия. Цзие от этого щебетания лишь поморщился.

Сингэ сидел напротив, подперев подбородок ладонью, и терпеливо ждал. В его глубоких карих глазах отражались блики дешёвых неоновых вывесок, делая их похожими на чистейшие, отполированные стеклянные бусины.

Этот задумчивый, хрупкий взгляд на миг вошёл в странный контраст с его обычной бьющей через край энергией.

То ли хмель ударил в голову, то ли сработало какое-то странное, необъяснимое предчувствие, но Чэн Цзие вдруг поддался уговорам Чарльза. Посмотрев прямо в глаза кудрявому гитаристу, он негромко спросил:

— Какого типа девушки тебе нравятся?

Сингэ на мгновение застыл, а затем его губы медленно изогнулись в лукавой усмешке.

<http://bllate.org/book/18241/1761842>